

18+

Писательский клуб «Альманах»
Убить или Влюбить

Книга 1

Наталья Смирнова

Убить или Влюбить. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51937211

ISBN 9785449860866

Аннотация

Убить или Влюбить? Закружить героя в головокружительном водовороте страстей или провести по извилистым закоулкам страха, почувствовать сладость искусного флирта или горечь справедливого возмездия?#«Убить или Влюбить» – сборник остросюжетных рассказов, выдержанных в лучших традициях жанровой литературы.#Япония, Англия, Турция, Россия – послужили яркими декорациями для историй о жизни и смерти, о верности и предательстве, о добре и зле, о мужчинах и женщинах, способных любить и ненавидеть!

Содержание

Алия Латыйпова	5
Анна Башмакова	29
Анна Смирнова	48
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Убить или Влюбить

Книга 1

Орфография и пунктуация авторов сохранена без изменений.

Составитель Наталия Смирнова

Иллюстратор Анна Седова

Составитель Алия Латыпова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6086-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-6087-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алия Латыйпова

(@happykydryashka)

ДЖОННИ, ВЫХОДИ!

Раздался выстрел. Обычно шумный, в будние дни, перекресток Овер-стрит, не сразу, но замолк. Люди на мгновение замерли, словно манекены.

Раздался второй выстрел, его эхо прокатилось по ближайшим улочкам и вывело людей из оцепенения. Женщины закричали, бежали, придерживая модные шляпки, на ходу ловили спадающие с оголённых плеч, меха. Мужчины, побросав газеты, смотрели по сторонам, в поисках стрелявшего, выбегали на середину улицы, пытаясь поймать такси. Туда-сюда проносились новенькие чёрные «Форды».

Перекресток Лос Анджелеса ожил. Люди ударялись друг о друга, падали, толкались, помогали встать и бежали. Владельцы кафе, ресторанов, банка, спешно закрывали заведения, запирая их изнутри.

Раздался третий выстрел. Перекресток опустел. Прошло какое-то время, на улице, прихрамывая на левую ногу, появился мужчина. Он опирался одной рукой о трость, другой курил трубку. Остановился, достал смятый клочок бумаги с адресом, прочитал его и сверил номер дома. Всё сходилось.

Мужчина прищурился, переходя взглядом от окна к окну, вытер носовым платком пот со лба, с шеи. Солнце было в зените, пекло.

Он неспешно огляделся по сторонам, достал револьвер, поднял руку вверх и нажал на курок. Выстрел эхом прокатился по пустынному перекрёстку, запахло серой.

– Джонни, выходи! Я пришёл за тобой! Знаю, ты здесь и прячешься, как трус! Даю тебе пятнадцать минут, время пошло! Не выйдешь, начну стрелять по окнам. Знай, их смерть будет на твоей совести! – кричал мужчина, рассматривая дома напротив. Невысокие серые здания хранили тишину, ни одна занавеска на окнах не колыхнулась. Он перевел взгляд. Вдали стояла голубая дымка, где-то там было море, пляж, пальмы. Очнулся, посмотрел на балкон, в глазах заблестела ярость. С каждым произнесенным словом, челюсть сжималась сильнее, скулы играли. – Хотя, кому я рассказываю о трусости! Тому, кто оставил мою сестру беременной? Тому, кто бросил меня, раненого и без сознания там, на безлюдной дороге? Я не знаю, мне повезло тогда, нашлись хорошие люди. Они спасли меня! А ты, ты – оставил! – мужчина докурил, выбросил окурок на землю, сплюнул в сторону. Руки сжались в кулак. – Джонни, помнишь, ты говорил, что мы не просто друзья, а братья? Я ведь доверял тебе больше, чем себе. Защищал, умереть готов был ради тебя! Кто первый узнал, что я влюбился? Ты! А кто помогал мне письма писать моей Китти? Ты! И крёстным, тоже стал ты. А потом

появился Джимми, всё изменилось. Это он рассказал мне о твоих проделках за моей спиной! Я даже и подумать не мог, что ты на такое пойдешь! Отнимешь у меня лесопилку, жену и компаньонов против настроишь, заберёшь дом! Теперь мне нечего терять! Выходи! – кричал мужчина, так, что вены на горле набухли и лицо стало красным. – Любил тебя, – еле слышно прошептал он, опускаясь на раскаленный асфальт.

На его глазах выступили слёзы. В закрытом кафе, за спиной мужчины, шевельнулась занавеска.

С обеих сторон улицы вбежали полицейские, держа его на прицеле.

– Руки вверх, уберите оружие, – кричали они.

Мужчина вздрогнул, словно проснулся, схватил револьвер, но тут прозвучал выстрел. Пуля попала в ногу, он выстрелил. Полицейский ответил и попал в полость живота. Кровь хлынула из раны, заливая белый пиджак и брюки. Мужчина упал, не в силах пошевелиться.

– Майкл?! Боже, что ты здесь делаешь? Не стреляйте! Не стреляйте! Я знаю его, это мой брат! Это всё большая ошибка! – кричал мужчина, размахивая руками, подбегая к раненому. Майкл поднимая глаза:

– Трус, – прохрипел он, собираясь с силами. – бросил меня, сестру беременную, подставил, отобрал всё. Да ты, – речь оборвалась, мужчина собирался с силами. Джонни сел против солнца, создавая тень другу. Схватил его за руку и сжал её.

– Майкл, всё не так! Не бросал, меня вызвал к себе отец, я написал ей письмо, что вернусь через две недели. Тебя не бросил, побежал за подмогой! Это я их отправил к тебе, а сам поспешил в больницу, за доктором. Не было заговора! Этот Джимми уговаривал помочь отобрать у тебя лесопилку, а я отказался! Подговорил Лесли, тот прикинулся, что отбирает у тебя производство. Но на самом деле, всё должно было вернуться к тебе обратно, через неделю, когда Джимми уедет. А жена... Тут нет моей вины, старина. Что же ты наделал! – мужчина сжал ещё сильнее его руку, тот ответил тем же.

– Прости, если сможешь, – прохрипел он.

– И ты меня, – дрожащим голосом ответил Джонни.

Рука Майкла ослабла, дыхание остановилось. Глаза смотрели на небо, а на губах застыла полуулыбка.

– Покойся с миром, друг. Я позабочусь о нашей семье. Ты был горячим, это и сгубило тебя. Никого ближе, чем ты, у меня никогда не будет.

**ESTAREI, TE ESPERANDO NO BRASIL,
NA SERRA PELLADA. LOUIS**

Колёса поезда отстукивали мили, за окном сменялись города, пейзажи и чьи-то судьбы. В дверь купе постучали. На пороге появился высокий, худощавый мужчина в очках, держа в одной руке газету, в другой – тряпичный рюкзак. Он кивнул компаньонке головой, скинул вещи и занял своё ме-

сто.

– Добрый день, сеньорита.

– Добрый, – поправляя очки, сухо ответила девушка.

Меньше всего ей хотелось вступить разговор именно сейчас, когда свежи воспоминания об увиденном и не терпится их записать.

– Меня зовут Луис, – продолжил попутчик.

– Трэйси, – ответила она, не поднимая головы.

– Очень приятно. Люблю поезда, путешествия, случайных попутчиков. Знаете, столько узнаешь о чужой, другой жизни, хоть записывай.

– А Вы пробовали? – отрывая взгляд от тетради, спросила Трэйси.

Она хотела перекинуться парой фраз и прекратить диалог, мешающий работать.

– Пробовал, говорят, не плохо получается.

Вдруг миллиарды мурашек пробежали по телу. Голос. Это он! «Estarei te esperando no Brasil, na Serra Pelada. Louis», – произносил он и исчезал. Уже год Трэйси слышала его во сне. Сначала он был тихий, где-то там, вдалеке. Затем стал чётким, громким.

Однажды, в одном из сновидений, Трэйси услышала продолжение фразы:

– Estarei te esperando no Brasil, na Serra Pelada. Louis. Viaje pelo país de trem, você verá muitas coisas interessantes. Apresse-se.

На следующий же день, она записалась в библиотеку, изучила десятки словарей, пока не расшифровала послание.

«Я буду ждать тебя в Бразилии, в Сьерра Пеллада. Луис. Путешествуй по стране поездом, ты увидишь много интересного. Поспеши. " – говорилось в нём.

Так продолжалось несколько недель. Голос настойчиво звал собираться в путешествие, сводя с ума. Трэйси не выдержала и купила билеты в Бразилию, а так же словарь португальского. Изучила местные обычаи, традиции и уехала, сообщив домашним, что едет в служебную экспедицию.

Теперь этот голос здесь, на яву и она не спит. Трэйси рассматривала попутчика. Карие глаза, светлая кожа с лёгкой щетиной, на левой руке шрам. «Так вот какой, ты, Луис». Девушка перевела взгляд. За окном проносились пальмы, вдалеке синели необъятные водные просторы. Небольшие деревушки чередовались с фавелами и богатыми особняками.

– Бедные и богатые, воры и верующие, образованные и неграмотные, убийцы, проститутки. Тяжело им. Но такие приветливые, открытые, порой, даже кажется, счастливые бразильцы.

– Да, Бразилия – страна крайностей. А Вы в какой город едите?

– Сьерра Пеллада.

– Вас тоже охватила «Золотая лихорадка»? Подумать только, сейчас 1979 год, а люди всё ещё верят в чудеса и возможность легко разбогатеть. Но я их понимаю. Долги, семьи,

жизнь в фавелах. Вы бывали там? Я был. До сих пор перед глазами. Только вера и спасает их. Вера в чудо, фортуна, бога. Зря Вы туда едите. Женщинам там не место, опасно.

– Но есть ведь надежда, что изменится всё? А Вы? Почему Вы едите?

– Я репортёр, у меня репортаж. И брат, уехал сюда на задание и нет вестей. Хочу найти его. – Луис замолчал. Он отвёл взгляд от девушки в окно, затем полез в рюкзак, достал блокнот и карандаш. Трэйси тоже не стала продолжать разговор, взяла тетрадь, сделала запись: «Луис, вот мы и встретились. Ты сидишь напротив. Совсем тебя не знаю и знаю. Такое чувство, что так всегда и было.»

– Трэйси, вот держите. – Луис протянул лист.

– Красиво! Это же я! Спасибо! Никто и никогда не рисовал меня. А не выпить ли нам кофе? – удивляясь собственной смелости и перемене поведения произнесла девушка. Открыла рюкзак, достала термос, стаканчики и разлила напиток. Купе наполнился терпким запахом кофе. «Боже, что я несу! Что он обо мне подумает! " – думала девушка, отпивая из стаканчика кофе. "Я должен сказать ей. Вот сейчас. Сейчас она допьет, Ато вдруг поперхнется. Смелее, ну! Черт, Луис! Ты брал интервью у головорезов и не боялся, общался с мафиози в Италии и не дрейфил. Соберись! " – уговаривал себя мужчина, наблюдая за девушкой.

– Знаю, могу показаться странным сейчас и напугать. Трэйси, я знаю Вас. Вернее, Ваш голос вот уже много лет слышу

его по ночам. Он навязчиво звал в Бразилию. Знаю, странно. Не сочтите меня сумасшедшим. Сам не понимаю. Но сейчас такое ощущение, что так и было всегда. Вы, я, поезд. Словно знакомы давно. Простите, если напугал.

Луис допил кофе, убрал стаканчик на стол, замер в ожидании ответа. Трэйси слегка покраснела. Она знала, чувствовала, сейчас случилось важное, то, что изменит её жизнь. Трэйси не верила в любовь с первого взгляда. Но то, что произошло сейчас, ею и не было. Она знала Луиса год. Чувствовала, слышала. Любила.

– Со мной было то же самое. Мы оба странные, сеньор, – ответила Трэйси и засмеялась. На лице вспыхнули ямочки.

– А не потанцевать ли нам, сеньорита? Я приглашаю Вас.

– О, сеньор, сочту за честь.

Луис насвистывал ритмичные бразильские мелодии, они танцевали. Стеснение, страх, сомнения, всё исчезло.

ТЫ ПРАВ, Я ТРУС!

Раздался треск. Обломки стула разлетелись по комнате. Пламя свечей, расставленных по периметру, колыхнулось и замерцало. На полу, поджав колени, сидел мужчина. Он теребил в руках смятый клочок бумаги с записью: " Двадцать пятого числа в двадцать три часа. Место встречи ул. Кирочная. Не вздумайте бежать. Поверьте, сударь, мы найдём Вас. Наши люди по всему Петербургу».

– По всему Петербургу, – вторил голос. – Любопытно, почему они решили, что сбежишь? Не потому ли, что ты испугался, когда в первый раз выдали оружие?

– Прекрати, прекрати немедленно! Не хочу, не хочу слушать тебя! Не трус! Слышишь?! Не трус! – кричал мужчина, закрывая уши.

– Тогда почему сбежал в назначенный час, когда увидел хозяина фабрики?

– Я... Я не хотел его убивать! Он хороший! Ваньку моего на работу взял, жалованье выдал и мы с долгами расплатились.

– А они в тебя верили. Многие были бы счастливы оказаться на твоём месте. А ты капиталиста пожалел! Шкурник! Единоличник! – кричал голос.

Мужчина закрыл уши и раскачивался из стороны в сторону, сидя на полу. По комнате разносился запах воска и догорающих свечей. На окнах слегка колыхались занавески.

– Из-за тебя, предатель, сотни работников, на ткацкой фабрике, умирают за станком от бессилия! А дети? Ты о них думал? Бедные, голодные, тощие существа, в которых еле душонка теплится! Это ты, ты виноват в их смерти! – шептал голос, растягивая слова и звуки.

– Нет, нет, нет! – говорил мужчина, переходя на крик. – Нееееет! Это не я! Я не убийца! – он резко встал, смахнул рукой со стола бумаги. В стену полетели книги, чернильница, графин с водой и стакан. Осколки разбежались по комнате,

пол залила вода.

– Слышишь, они зовут тебя? – не унимался голос.

Мужчина остановился. В голове раздавались детские голоса. Словно картинки, проносились лица детей, которых он встречал на улице, во время прогулки.

– Убийца, убийца! – шептал голос. Мужчина перевел взгляд на разлитую лужу.

– Кровь? Откуда она здесь, – взбираясь на стол шептал он. Руки его дрожали, тело тряслось.

– Ты можешь остановить её. Сделай то, что обещал. Из-за таких, как ты, – закричал голос, – простой народ в России погибает! Поборы, налоги, казни, нищета, цензура! Нет свободы, все шепчутся по углам и устраивают тайные собрания. А царь-батюшка контроль усиливает, железные дороги строят, кино показывает! Говорят, говорят, обсуждают. А народ спину гнет! Господа балы в салонах устраивают. 1896 год, а всё по-прежнему! За что декабристы погибли? За кого? За нас! А что же мы? Прячемся, ждём, выжидаем. Помоги, совершить правосудие? Владимир обещал, что не бросит! Матери с отцом поможешь! Они там, в деревне, сколько ещё страдать будут?

Мужчина перестал дрожать, руки сжались в кулак, дыхание стало тяжёлым.

– Да! Я готов, сделаю это! Освобожу, освобожу их! – стуча по столу твердо произнес он. Сердце забилося чаще, решение было принято.

Вдруг перед глазами всплыл образ матери, отца, родительский дом в деревне. Ранний подъём, кричат петухи, в доме прохладно. Мать уже накрыла на стол. Теплое парное молоко в крынке, сметанка, краюха хлеба. На скамейке узелок с обедом.

– Сынок, миленький, давненько ты не был у нас. Соскучились за тобой. Приезжай скорее. – послышался тихий и нежный голос матери. Её голубые глаза нежно смотрели на него. Из-под пёстрого платка выбивались пряди светлых волос, в сухощавых мозолистых руках она держала подол передника.

Мужчина разжал кулаки и обессиленно опёрся о край стола.

– Ты прав. Я трус. Не могу. Я страдаю, мучаюсь и переживаю за наш народ. Всею душой хочу освободить его. Но не через кровь, убийства, казни. Должен быть другой выход, мирный. Верю, настанет время, когда господа будут слушать нас, простых людей. Он тоже чей-то сын, муж и отец. Хороший или плохой, не мне судить, а богу. Мать с отцом, не поймут меня. Они учили терпеть, прощать врагов, быть милосердным. Я – сын своего отца, я – не убийца. – рыдая произнес мужчина, содрогаясь всем телом.

Голос в его голове замолчал.

Внезапно распахнулась дверь, в комнату вошли двое в кожаных плащах, наставляя оружие.

– Мы предупреждали тебя, если не убьешь его, умрёшь.

Ты сбежал. Нам не нужны слабаки! Скоро будет стачка на ткацкой фабрике, но ты уже не увидишь ее.

Мужчина не шелохнулся.

Раздался выстрел, затем ещё один. Тело медленно сползло на пол. Две лужи смешались в одну.

Я ЧУВСТВУЮ ТЕБЯ

Над Стамбулом, заглушая шум улиц и машин, раздался азан. Со всех мечетей города, в унисон, звучал призыв к ночной молитве. На небе зажглись звёзды, отражаясь, как в зеркале, в спокойных водах Босфора. Стемнело.

На берегу пролива сидела девушка, поглаживая лепестки цветов. Рядом лежал рюкзак, пара книг, журналы и блокнот.

– Говорят, на дне тюльпанов, находится счастье, – произнес незнакомец.

– Если бы всё было так просто, – еле слышно ответила девушка и продолжила, – весь Стамбул в апреле устлан счастьем. Желтое, красное, синее, белое, розовое, выбирай.

– Даже самому вырастить его можно. Вот, мне, например, сегодня, подарили две луковицы тюльпанов. Сказали, на счастье, – достал их из кармана и показал ей.

Девушка промолчала.

– Понимаю. Мне и самому особо говорить не хочется. Просто, Вы заняли моё место. Обычно прихожу сюда, вернее, сбегаю, когда подумать нужно. Меня Онур зовут. Ниче-

го, я не жадный, присяду чуть подальше, – отходя на пару метров от девушки, произнес мужчина.

«Я столько лет сюда прихожу и ни разу его не видела. Может, в разное время бывали?» – думала девушка, глядя на огни ночного города.

Со стороны Босфора дул прохладный лёгкий ветерок, слегка играя подолом шифонового платья.

Девушка поежилась, посмотрела на часы. Скоро бежать.

В дали гудели машины, слышались отзвуки музыки с фестиваля тюльпанов, смех. Внезапно послышался стук камней, шорох. Девушка повернула голову. Онур лежал на земле, жадно хватая воздух открытым ртом. Девушка подбежала, приподняла голову, дрожащими руками расстегнула пуговицы на рубашке.

– Онур, Вы меня слышите? – пытаюсь совладать чувствами, произнесла она. – Если да, то моргните. – Мужчина моргнул и продолжал тяжело дышать, лицо стало бледнеть, вены набухли. Послышался хрип. Девушка обернулась, в поисках подмоги. Никого не было. Она осторожно положила голову мужчины на землю, рядом лежал телефон, экран светился. Девушка взяла его в руки, прочитала сообщение "Самолёт в семь утра. Вылет завтра».

– Онур, слышите меня? О, Всевышний, помощи. Всё хорошо, всё в порядке. Держите мою руку, – протягивая свою ладонь, шептала девушка и читала молитву. – Дышим вместе, вот так, глубоко вдыхаем и полностью выдыхаем. Вдо-

ох, выдох. Ещё раз. Дыхание замедляется, Вы спокойны, всё хорошо. Молодец, ещё немного. – Она набрала номер, послышались гудки.

– Алло, здравствуйте. Служба спасения слушает. Что случилось? – ответил женский голос.

– Алло! Мужчине плохо, он задыхается.

– Назовите, пожалуйста, адрес? Где вы находитесь?

– Адрес? Мы возле моста Мехмеда Фатиха, со стороны Румели, – осматриваясь по сторонам диктовала девушка.

– Ждите, выезжаем.

Она убрала телефон. На экране высветилось время двадцать три тридцать третье апреля две тысячи двадцатый год. Она крепко сжала холодную руку Онура. Дыхание мужчины выровнялось, лицо начало краснеть. Он пришел в себя.

– Благодарю, Всевышний, – облегчённо вздохнула девушка.

– Спасибо Вам, Вы спасли мне жизнь. А я и имени Вашего не знаю.

– Айлин. Не нужно меня благодарить. Хвала создателю. Вы больны?

– У меня случаются панические атаки. Раньше были сильные, частые, теперь ослабли. После того, как мои родители разбились, я боюсь летать. А завтра рейс. Когда был маленьким, часто бывали здесь с отцом и братишкой. Приходили на рыбалку, рано утром. Возвращались всегда с уловом домой. Мама встречала нас завтраком, а на обед готовила ры-

бу в духовке. Я такую больше нигде не ел. И уже не попробую. Теперь это моё место. Прихожу сюда, когда хочу побыть один, принять решение. Вернее, приходил. Здесь больше ничего не держит. Дом закрыл, не могу сдать кому-то. Тяжело. На работе попросил перевести в другой филиал. Компания международная, с этим проблем нет. Машину свою продал, папина в гараже стоит. Рука не поднялась тронуть. Напугал Вас, простите. Вот и скорая подъехала.

Из микроавтобуса вышла медсестра, держа в руках, маленький чемодан с инструментами. Айлин объяснила ситуацию, услышала, что кризис миновал и состояние стабилизировалось. Она пожала руку Онура, их глаза встретились, внутри словно что-то замерло, ускоряя дыхание.

Айлин подняла с земли вещи и медленно побрела вдоль побережья. Сегодня она поссорилась с родителями, ушла из дома, наговорив, сгоряча, много неприятных слов. Телефон до сих пор не включала.

– Что же я наделала. А если их не станет? Как у Онура?! – девушка поднялась на мост, облокотилась о край, достала телефон из сумки. Включила, вытирая слёзы, набрала сообщение: " Мама, папа, я вас люблю! Простите меня! " – На моих руках, только что чуть... А если бы умер? Господи, как страшно...

С Босфора дул холодный ветер. Айлин кто-то подхватил сзади, она очнулась.

– Онур?

– Что ты делаешь на краю моста?! Не смей, слышишь! Прыгнуть решила? – утешал её мужчина, сжимая крепко в объятиях.

– Нет, я не заметила, как перешагнула. Господи, как? Как там оказалась? – Айлин плакала, осознавая, что могло произойти.

– Больше не оставлю одну! Я чувствую тебя. Держи мою руку.

Айлин вложила ладонь, словно свою жизнь, в крепкую ладонь Онура.

А ЧТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕ ВАС?

Девушка вошла в лес. Хвойные деревья стояли плотно друг другу, оставляя лишь маленькие дорожки для солнечных лучей. За ней, находясь на небольшом расстоянии, проследовал мужчина. Высокий, худошавый, с небольшой горбинкой на спине. Девушка посмотрела по сторонам. Убедившись, что одна, достала из внутреннего кармашка, на лифе, кольцо и надела на палец. Пространство вокруг залил красный свет.

Мужчина выглянул из-за дерева, прищурился и нетерпеливо теребил большую бородавку на левой щеке.

– Вот ты и попалась, Анна! – шептал он, рассматривая девушку. Глаза заблестели, на лице появилась злобная улыбка.

Красное сияние сменилось белым. Макушки деревьев со-

единились, образуя свод. Вокруг Анны расцвела зеленая полянка с разноцветными цветами. Красные, синие, оранжевые, черные. Они слегка колыхались, а от них исходил мерцающий блеск, над ними кружили бабочки, напевая мелодию.

Девушка присела возле цветка, нежно дотронулась до лепестков, закрыла глаза и вдохнула аромат. Мужчина жадно прикусил губу.

– Ну, здравствуй, брат мой. Вот я и пришла, – улыбаясь произнесла она.

– Я ждал тебя. Как ты? – ответил голос.

Мужчина обернулся и посмотрел по сторонам, не обнаружив никого, произнес:

– Точно, юродивая или ведьма! Не зря её так прозвали. Да, да.

– У меня всё хорошо. Сегодня заработала немного денег, продала сборы трав на рынке. Потом навестила мисс Гарднер, принесла её любимые пампушки.

– Мистер Хэмптон не появлялся больше?

– Был вчера и сегодня утром.

– Будь осторожнее, Анна!

– Сегодня сказал, если не стану его, то папу казнят, как еретика. Спросила его, верит ли во что-то? В бога или любовь? Это лицо до сих пор перед глазами. Зубы сжались, скулы заиграли, глаза сделались большими, а затем раздался смех. Такой громкий, противный, хотелось закрыть уши

и бежать. Он сказал, верит в деньги и, что всё продаётся. Даже я. Право, не знаю, что и делать, ведь мистер Хэмптон богатый и знатный. Погубит отца. – девушка зарыдала, закрывая лицо руками.

– Тсс, милая, не плачь. Всему своё время. Он будет наказан и очень скоро. А теперь, ступай, искупайся и сбрось с себя все печали.

Рука мистера Хэмптона сжалась в кулак.

– Ах, ты, дрянная девчонка, – прошипел он.

Анна вытерла слёзы, всхлипнула, повернула кольцо и перед ней появился небольшой пруд.

Скинула чепчик на землю, набрала воды в ладони и смочила лицо. Мужчина наблюдал, как по длинной шее девушки стекали капли, уходя под платье. Дыхание его участилось.

– Не сейчас, подожди, – шептал он себе.

Анна сняла передник, убрала заколки, волосы тяжёлой волной упали на плечи. Быстрым движением расстегнула и сняла платье, зашла в воду.

Мужчина издал стон, глаза заволокла поволока. Не в силах больше сдерживаться, он вышел из-за дерева. Анна плескалась в пруду, не замечая его. Девушка набрала воздуха, задержала дыхание и нырнула.

Он подошёл ближе. Поднял её вещи с земли, закрыл глаза и приложил к лицу. От платья Анны доносился лёгкий цветочный аромат. Девушка вынырнула и, стоя спиной к мужчине, выжимала волосы.

Тело Хэмптона дрожало от желания.

– Вот ты и попалась, птичка! – хриплым голосом произнес он.

От неожиданности, Анна вскрикнула и, прикрываясь, убежала в воду.

– Что Вы здесь делаете?!

– Я тебе говорил, ты будешь моя! Маленькая юродивая девчонка! Значит, не приятен тебе?! Так, может, ты, как наша королева-дева Елизавета, решила быть целомудренной?! Только ведь, не одна она. Любовь у неё есть мистер Дейли, да и ты не королева Англии, – громко смеясь, произнес мужчина.

– Какой же Вы мерзкий тип!

– У тебя нет выбора! Иначе твоему отцу придет конец, да и тебе тоже. Ведьма! Повесят тебя на площади! А я приду смотреть. Жаль, конечно, такую красоту.

– Чудовище!

– А ты святая, знаем. Кормишь бездомных, голодных, нищих. Песни поешь, с животными разговариваешь, мужчин совращаешь! Не так ли, мисс? Кстати, что это за ужасное представление? Говорящие цветы, пруд, полянка, бабочки эти? Хуже зрелища не видел, тошнит от этой любвеобильности! Выходи из воды! Хватит играть в прятки!

– Вы бездушный человек! Те, кто не такой, как Вы, вызывают в Вас смех, раздражение, ярость и порицание. Любое проявление чувств – дикость. Для чего живёте? Кому нуж-

ны и кто будет оплакивать после смерти? Дети? Жена? Ваши любовницы, которых купили или запугали? Что оставите после себя? Деньги? И всё? Вы богат, но нищий! Бедняки богаче Вас. У них есть душа. Лучше умереть, чем стать Вашей очередной игрушкой!

– Да что ты знаешь о моей жизни?! Думаешь, в золотой колыбельке родился?! Нет! Торговал, голодал, воровал, хитрил, но выполз из нищеты! Эта война, поборы, феодалы, знать, высокомерие! Я любил. Сильно, страстно, раз в жизни. Она отвергла меня. Сказала, не ровня, нищ не только кошельком, но и умом. А когда? Когда мне было учиться? Спасал семью и работал, как вол. Умолял, просил, доказывал. Дал слово и выбрался. Принесло ли успокоение? Нет. Зачерствел. Наверное, не правильно жил, не за тем гонялся. Всё покупается и продается. – мужчина понизил голос, опустил голову и присел.

Анна оставалась в воде и наблюдала. На его глазах показались слёзы. Через мгновение они катились по щеке, одна за другой. Мужчина рыдал по-детски искренне.

– Живым отсюда выйдет только один. И это не ты. Слишком много знаешь, – поднимая голову произнес мужчина. Он поднялся и быстрыми шагами приблизился к водоёму. Анна испуганно продвинулась вглубь.

Мистер Хэмптона вошёл в воду, не сводя глаз с девушки. Она пыталась бежать, ноги не слушались, упала. Вода подхватила и поставили на ноги. Мужчина схватил её за руку,

та вырывалась, разлетались брызги. Анна плакала и умоляла отпустить. Он качал головой, продолжал наступать, поймал волосы и притянул к себе. Девушка закричала.

Поднялись волны. Вода билась о тела, вокруг образовалась воронка, подхватила девушку и выбросила на берег. Хэмптона остался внутри. Он не кричал, не пытался выйти. Анна смотрела, как вода проглотила его. Волны успокоились, девушка повернула кольцо, пруд затянуло землёй.

ХОШИ РЪЕКАН

Оперевшись на руку, за столом спал мужчина. В дверь постучали, в комнату вошёл портье.

– Вы меня звали, Акихиро сан? – кланяясь произнес он.

– Да, Атсуши, проходи, садись, – отходя от сна, ответил мужчина. – Я уже опросил десятерых сотрудников отеля. Но очень странно, что никто не видел, как это произошло? Пока не запрашивал данные с камеры видеонаблюдения. Кто украл сумку у пожилой пары из Португалии?

Брови нахмурились, лицо стало сосредоточенным.

– Можно я закурю? – спросил мужчина. Акихиро кивнул головой. Портье достал из кармана сигареты, складную маленькую пепельницу, сделал затяжку. – В тот день заехали шесть пар. Из Италии, Австрии, Канады, Китая, Израиля и Египта. Утром, во время обхода отеля, обратил внимание, что вся обувь повернута в обратную сторону. Я попра-

вил и ушёл. Через некоторое время, проходя мимо номеров, увидел, они снова лежат, не как принято. У нас, в отеле, есть кабинет без номера, с самого основания, с 718 года. В тот день, на нём появилась цифра. Четыре. Её не было ни при моих родителях, ни при мне, а я уже здесь тридцать три года работаю.

– Но у нас, в Японии, она запрещена! Четыре – цифра смерти. Повёрнутая обувь. Хм, – записывал в блокнот Акихиро.

– Больше ничего не знаю.

– Спасибо, можешь идти. Позови, Ай ко мне. Пусть придёт.

Атсуши поклонился и вышел. Солнце садилось, день близился к концу. Комнату залил тёплый свет. На стенах появились причудливые тени от окна, цветов на подоконнике. Акихиро рассматривал картину в шкафу. Красные и чёрные широкие мазки на белом фоне, сверху них несколько мелких капель белого. "Что же передал художник? Может, любовь? То ревность, то страсть, то счастье?"

В дверь постучали. На пороге появилась девушка.

– Здравствуйте, – не отрывая глаз от Акихиро, произнесла девушка.

– Здравствуйте, Ай. Присаживайтесь, – мужчина указал на кресло. Она села, поправляя короткую юбку. "Чёрные брови, словно небосвод. Алые губы, как цветущие сады Сакуры." – пронеслось в голове у мужчины.

«Ну, наконец-то позвал. Красивые сильные руки, ровные белые зубы, как жемчужинки на дне океана. Этот аромат парфюма... ни с чем не спутать» – прикусывая губу, размышляла девушка, разглядывая Акихиро. На фарфорно-белом лице появился красный румянец.

– Ай, Вам что-нибудь известно о краже в отеле? – прервал тишину мужчина.

– К сожалению, не известно. А, да, как Вы знаете, в конце каждой недели, у нас проводят смотрины. Глупые пережитки прошлого. И в этот раз было запланировано десять. Мы подготовили комнату, угощения. Но никто не пришел. А когда позвонили, выяснить причину, то ответили, что это мы отменили мероприятия.

– Ай, а Вы, как относитесь к смотринам? Мне, например, они нравятся. На следующей неделе, кстати, мои. Надеюсь, не сорвете их, как в этот раз? Это ведь Вы сделали? – наблюдая, за реакцией девушки, спросил мужчина.

– Нет, конечно! – возмутилась она, – Нужно выходить по любви и самой решать за кого! А не слепо следовать традициям! – В голосе слышалось раздражение, глаза злобно заблестели.

Ай покраснела, встала со стула, сделала пару шагов и упала на пол. Мужчина подбежал к ней, сбрызнул водой из графина. Капли воды стекали по белой коже, тело девушки покрылось мурашками. Акихиро сидел рядом в растерянности. Заметно волнуясь и, стараясь, совладать собой, расстегнул

верхние пуговицы на рубашке. Кончиками пальцев коснулся губ, погладил лицо, провел по шее, спустился чуть ниже и остановился. Прикусывая губу, слегка постучал по щекам, девушка очнулась.

– С Вами всё в порядке? Может, врача позвать?

– Нет, не нужно. Это я! Тогда были назначены мои смотрины. А я не хочу так! «Большие перспективы», «будущее», «идеально», «подходим», меня тошнит от этого! А сумку я уже вернула, всё объяснила! И обувь разворачивала тоже я! Это мой протест! – Ай встала, отряхнула юбку и направилась в сторону двери.

– Я всё знал, посмотрел запись с камеры видеонаблюдения. Моё имя «Акихиро», что значит, умный и я чту традиции, но пора их нарушить. А ты «Ай» – любовь. Придёшь на смотрины? – вслед выкрикнул мужчина.

Ай обернулась, левая бровь приподнялась, она вышла из комнаты.

Анна Башмакова (@anuta.bashmakova)

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ...

«Осторожно, не урони! Этот стакан стоит целое состояние. Почему бы тебе не продать его?» Старый мужчина темного цвета кожи лишь слегка усмехнулся, аккуратно поставил стакан на полку, медленно сел в скрипучее кресло-качалку и закрыл глаза.

* * *

«Хватит пялиться на нее, Сэм. У тебя нет никаких шансов, она звезда, а ты грязный негр. Тебя случайно допустили сегодня на съемочную площадку только потому, что Майк не пришел. Ты никто, Сэм. Никто. Полное ничтожество. Мальчик на побегушках. Можешь только подносить кофе помощникам режиссера. Она не удостоит тебя даже взглядом. Прекрасная Вивьен. Довольно, Сэм, ты не имеешь право влюбляться в нее.»

Съемки фильма продолжались уже пять часов. Вокруг царила суета, режиссер в очередной раз объяснял какая эмоция нужна в эпизоде. Грумеры старались подступиться к ней

хоть немного, отталкивая каких-то мужчин с листами сценария. Павильон киностудии в его вечном движении напоминал муравейник. На съёмочной площадке никогда не было пусто. Уходили актеры, приходили рабочие, уборщики, сменялись декорации, лица. Одно оставалось неизменным – каждый человек, живший в Лос Анжелесе в то время, мечтал хотя бы раз побывать там, чтобы одним глазком посмотреть на сотворение мира кино.

– Вивьен, соберись! Мы не можем снять сцену на пару минут уже двенадцать дублей. Дай мне глубину, силу. Покажи злость, ненависть, отчаяние. Чтобы зритель плакал, видя тебя на экране. Нас ждёт успех. Только соберись, прошу тебя.

– Послушай, Виктор, я устала. Может довольно на сегодня? Давай сделаем перерыв? Мне абсолютно не нравится это ужасное грязное платье, оно давит мне грудь. Что тебя ещё не устраивает в сцене? Какие ещё эмоции тебе нужны? И эти волосы. Почему я должна выглядеть именно так? Да, конечно, я знаю. Как ещё может выглядеть голодная Скарлетт О'Хара? Именно это ты и скажешь. Как я скучаю по Ларри. Ах, послушай, прости меня, я никак не привыкну к Голливуду. Я сейчас соберусь, дай мне пять минут. Эй, ты, принеси мне воды.

«Да брось, Сэм, тебе показалось. Она не могла видеть тебя. Тем более заговорить с тобой. Ты всего лишь никчёмный негр.»

– Ты, эй. Как тебя?

– Сэм, мисс Вивьен.

– Принеси, пожалуйста, воды, Сэм.

«Так, Сэм, соберись. Вся твоя мерзкая недостойная жизнь нужна была Господу только ради этой минуты. Помнишь, что говорила твоя святая мамочка? – Однажды Господь услышит твои молитвы, сынок. Не прекращай верить. – Этот миг настал. Настоящее счастье. Негры тоже могут быть счастливы. Слышишь, Сэм? Пусть всего мгновение, но только ради него можно родиться снова и снова.»

Она сидела на стуле в полном одиночестве и тихонько всхлипывала. Физическая боль в груди смешалась с невидимым камнем, который зиял чёрной пустотой там, где заканчивается сердце. Если бы её казнили самой страшной казнью, ей не было бы так больно. Люди возомнили её великой актрисой. Но сколько приходилось работать, чтобы соответствовать их представлениям. Сколько бессонных ночей, сколько сил требовалось, чтобы быть безупречной и нести ту ответственность, которую возложили на неё критики. Как же она несчастна, когда её любимый Ларри так далеко, в Нью-Йорке. И ещё Виктор, постоянные ссоры с ним так выматывают. Слезы медленно стекали по щекам, даже не оставляя шрамов.

– Ваша вода, мисс Вивьен.

Она подняла заплаканные глаза, взяла стакан, выпила залпом и вернула какому-то неизвестному негру, которого видит первый и последний раз в жизни. Ей было все равно как

он здесь оказался, и почему стал свидетелем её боли.

«Давай, Сэм. Сейчас или никогда. Скажи ей.»

Он стоял перед ней с опущенной головой и чуть слышно произнёс: «Мисс Вивьен, я знаю это не утешит Вас, но я Вас люблю.»

Она подняла голову, улыбнулась, резко встала со стула и слегка провела рукой по его щеке.

– Я готова, Виктор, – повернувшись к режиссёрскому креслу, уверенным голосом произнесла она.

– Начали!

– Бог мне свидетель, я не дам вам, проклятые янки, сломить меня. Я пройду через всё, и всё выдержу, и когда война закончится, я не буду голодать. Бог свидетель, я солгу, украду, убью, но больше никогда не буду голодать. Никогда!

– Стоп! Снято! Bravo, Вивьен! Умничка!

* * *

Старый мужчина тёмного цвета кожи открыл глаза, взглянул на стакан на полке и медленно поднялся со скрипучего кресла-качалки.

«Всё-таки твоя жизнь была не такой уж никчёмной, Сэм. Во всяком случае ты узнал, что такое счастье.»

ДОЛГОЖДАННЫЙ ВЫСТРЕЛ

Солнце каждый день превращало в ад городок Серра Пелада на северо-востоке Бразилии. Оно направляло свои лучи через огромную лупу, пытаясь добыть огонь и беспощадно сжечь каждого гаримпейрос* в огромном карьере по добыче золота. Оставив свои мельчайшие частицы в земле, бог солнца потешался над теми, кто готов был отдать самое ценное ради того, чтобы прикоснуться к нему.

Два друга, Энрике и Густаво, закинув на плечи мешки с грунтом, отправились вверх по лестнице на вершину карьера. Их грязные тела и измученные тяжёлым трудом лица вовсе не напоминали бывших студентов, только вчера закончивших исторический факультет Федерального Университета Минас-Жерайс.

– Слышишь выстрел, Энрике? Кому-то улыбнулось счастье. Вот увидишь, сегодня и мы добудем золотишко.

– С чего ты взял? Вторую неделю таскаем грязь, и всё бесполезно. Лучше бы оставались помощниками у старого Карлоса. Он хоть и платит мало, но зато условия получше.

– Получше только потому, что здесь настоящее пекло. Старый подонок Карлос умеет только обещать. Клянусь Пресвятой девой Марией, в моём мешке мы найдем с десятка два граммов золота.

Энрике, который шёл первым, оглянулся и с опаской посмотрел на друга. Не иначе как тот спятил. Безжалостное солнце напекло парню все оставшиеся мозги. И хотя Энрике не верил в такую удачу, кто-то внутри периодически под-

кидывал ему мысли о возможностях несметного богатства, спрятанные в грязи на его плечах.

– Послушай, – продолжил Густаво, – вчера я встретил её.

– Не может быть!

– Клянусь Пресвятой девой Марией! Я был в доме у Хосе, уговаривал его продать свой участок, и видел как она прошла мимо кухни. Прекрасная Луиза. Её тонкая талия, пышные бёдра, упругая маленькая грудь сводят меня с ума. Она подмигнула и сказала, что будет ждать меня наверху с золотом.

– Ну, брат, тебе точно солнце голову напекло. Это не могла быть она. Луиза Гомес находится под строгой опекой своего отца. К ней так просто не подберёшься.

Густаво улыбнулся и ничего не ответил. Решил умолчать о том, как Луиза кокетливо подмигнула, взяла его руку и провела по своему бедру. Но юноша не только желал быть с девушкой, он влюбился в неё. Мечтал добыть золото и жениться на Луизе.

Наверху послышался ещё один выстрел. Главное сейчас – не смотреть вниз, четверть дороги позади, впереди наиболее опасный участок, где часто случаются оползни, и лестница практически не закреплена. Проклятое солнце казалось издаёт жуткий хохот, который отражается в криках счастья и столах отчаяния, в грязи и золоте, в зарождении жизни и последних вздохах.

Спустя время Энрике и Густаво скинули свои мешки на вершине горы. Густаво огляделся.

– Вон она, Энрике. Видишь?

Вдалеке показался силуэт девушки, который словно был одновременно в этом грязном месте, кишачим людьми, и отдельно от него.

Энрике стоял как вкопанный, не в силах отвести взгляд от прекрасной Луизы.

– Она... – сказал Энрике, и тут же упал без сознания.

Ледяная вода привела в чувство юношу. Немного пошатываясь, он поднялся. Вокруг них столпились гаримпейрос¹. Густаво был ещё без сознания. Оказалось, оба упали навзничь, словно увидели что-то ужасное и прекрасное одновременно. Через несколько секунд Густаво очнулся.

– Эй, парни, вам хватит. Езжайте лучше домой.

– Луиза Гомес... она была здесь. Вы видели её? – Густаво вскочил на ноги и показал в сторону, где стояла девушка.

Какой-то парень с ружьём оглянулся, но другие только вздохнули.

– Луиза Гомес была убита полгода назад. Говорят, умирая, она прокляла это место и всех, кто найдёт здесь золото. С тех пор выдавшие её становились богачами, но всего на несколько дней, больше их не видели живыми. А как давно вы здесь? Неужели не слышали легенду о ней?

Энрике и Густаво поднялись и молча ушли. Когда промыли грязь из их мешков, раздалась череда выстрелов.

¹ Гаримпейрос – нелегальные золотодобытчики Бразилии.

ВОЛЕЮ СУДЕБ

Петербург испокон веков был неумолим и весьма требователен к своим жителям. Погода, стабильна в своём проявлении, одаривала петербуржцев стойкостью характера и способствовала развитию медицины дабы суметь противостоять бронхолёгочным заболеваниям. Город строго относился к приезжим, преподнося атмосферу праздника в первый день посещения, и его скорое окончание депрессивным расстройством у берегов ноябрьской Невы.

* * *

Дождливым холодным утром того дня в аптеке Пеля, что располагалась на 7-й линии Васильевского острова, было многолюдно. Запах лекарств обволакивал посетителей, мечтающих поскорее получить вожделенный флакончик с тёмной жидкостью дабы избавиться от надоедливого кашля. Софья Павловна присела на стульчик, благодушно представленный молодым юношей, что заприметил девушку ещё на улице.

– Мадемуазель, кх-кх, позвольте представиться, Пьер де'Монте.

– Софья Павловна Березина. А Вы, сударь, стало быть...

– Из Франции. Прибыл давеча с актёрской труппой. Комедийный актёр. Позвольте поинтересоваться, приглашены ли

Вы на завтрашнюю премьеру?

Девушка в ответ громко закашляла и стыдливо опустила глаза.

– Простите, сударь, кашель в такую погоду сопровождает меня с самого детства. Матушка возила на немецкие курорты, к тамошним лекарям. Но всё бесполезно. Надеюсь новый эликсир облегчит моё состояние для завтрашней премьеры. А Вы надолго в Петербурге?

– Кх-кх, смею предположить наша встреча изменит мои планы.

Софья Павловна почувствовала лёгкое головокружение и стала нервно тереть носовой платок с аккуратно вышитыми буквами С. П. Б. в уголке.

– Ах, Пьер, Вы заставляете меня краснеть. Стало быть комедии – Ваше амплуа? Можете рассмешить меня?

Юноша огляделся вокруг и начал высмеивать посетительниц аптеки словно комик немого кино. Девушка засмеялась, но вскоре кашель напомнил обоим, кто является главным режиссером спектакля.

По его окончанию Софья решила немного сменить тему.

– Как Вас встретил Петербург?

– Весьма располагающе, приятным солнышком и лёгким ветерком. Но вот подумать только, спустя пару дней так всё изменилось. – Пьер взял небольшую паузу и продолжил, – Мадемуазель Софья, Ваше лицо кажется мне знакомым. Как величали тех лекарей, к которым возила Вас матушка? Стало

быть, я тоже страдаю от кашля. Возможно ли было видеть Вас ранее?

– Ах, сударь, мне было двенадцать лет отроду. Не могу знать. Но если хотите верить...

– Думаю это судьба – встретить Вас в Петербурге. После премьеры у княгини Грушевской будет дан бал. Надеюсь Вы позволите танцевать с Вами.

Софья Павловна легонько кивнула. Сердце девушки выпрыгивало из груди навстречу любовным приключениям, но петербургский кашель вновь преградил ему дорогу.

Получив заветные пузырьки с тёмной жидкостью, Пьер вызвался проводить Софью. Холодный ветер и колкий ливневый дождь тут же подхватили зонтик девушки, она подскользнулась и в мгновение очутилась под колёсами невесть откуда взявшейся кареты, запряженной четвёркой лошадей. Вокруг послышались крики, Пьер ринулся на помощь, но было уже слишком поздно, девушка испустила дух. Кровь смешалась со жгучими каплями дождя, наполняя до краёв серую тяжесть Петербурга.

* * *

На следующий день руководство театра вынуждено было отменить премьеру в связи с отсутствием главного комедийного актёра. Поиски не привели к результату, и только лишь чёрные воды Невы могли поведать тайну его исчезновения,

но предпочитали молчать, безвольно подчиняясь приказам мрачного города.

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

*Англия. Графство Йоркшир. Аббатство Уитби.
1467 год*

Война Алой и Белой розы продолжалась. Аббатство Уитби было истощено и приходило в упадок. Но это никак не останавливало отца Августина от его святой миссии. Будучи представителем бенедиктинцев, он посвящал много времени своей миссионерской работе.

Вечерние сумерки сгущались. Осенний туман укрывал холмы и поля серостью влажного дыхания. Отец Августин шёл быстрым шагом по направлению к аббатству. Вечерняя трапеза ещё не началась, можно успеть и не быть заподозренным. Тёмная фигура сменяла шаг на лёгкий бег и тяжело дышала сырým воздухом. Мысли отца Августина бегали в голове словно животное в клетке. В этот раз смерть неминуемо близко. Уильям обо всём узнал. Ему конец.

Оказавшись на вершине холма, мужчина оперся руками о колени и позволил себе отдышаться. Вдали показались башенки Уитби. Мистические истории, окутавшие аббатство с самых его истоков, нисколько не пугали Августина. К чему бояться каких-то духов, когда люди намного страшнее само-

го дьявола. Выпрямившись, мужчина перекрестился и быстрее пошёл вниз по холму, что-то бормоча себе под нос.

Вдруг светлый силуэт со следами удушья на шее преградил ему дорогу.

– На этот раз не уйдешь, Августин, – голос призрака звучал в голове у мужчины.

– Элизабет? Нет, ты давно в могиле. Я не виноват, Элизабет. Все деньги я отдал беднякам, клянусь святым Бенедиктом, – отец Августин перекрестился, но призрак лишь засмеялся в ответ.

– Возмездие близко. Ты обокрал и убил меня. Дьявол властвует над тобой и жаждет поскорее завладеть твоей жалкой душёнкой. Ха-ха-ха.

Произнеся последние слова, фигура исчезла.

Отец Августин вновь устремился к аббатству, постоянно оборачиваясь. Дьявол! Сколько искушений он ему преподносил. Но последнее... Маленькая Сью, белокурая девочка, дочь Уильяма Хоста. Августин часто бывал у него в доме, так часто, что даже не заметил как подросла Сью. И вот сегодня тринадцатилетняя девочка заставила его дьявола стонать от желания, когда кокетливо села рядом и сказала: «Падре, расскажите Вашу историю. Вы же не сразу стали монахом? Наверное, Ваша жизнь полна приключений». Сью кокетливо посмотрела на него, и её волосы рассыпались нежностью по юной белоснежной коже плеч.

От воспоминаний о юной девушке на лице отца Августина

появилась улыбка и дьявол вновь наполнил плоть желанием страсти и любовных утех. Но взгляд отца Уильяма говорил о том, что не видать Августину сладостных изгибов Сью как своих ушей. И если в аббатстве узнают, его казнят. Либо Уильям сам убьёт его. Надо спешить. Ещё есть шанс всё перевернуть в свою пользу.

Туман накрыл пеленой аббатство и смешался с темнотой в едином танце страсти. Отец Августин устал и замедлил шаг. Еле виднелись огоньки вдалеке. Вдруг голос позвал его. Обернувшись, мужчина опешил.

– Джон?

Перед ним будто из столба дыма проявился мужчина с перерезанным горлом.

– На этот раз не уйдешь, Августин.

– Да брось, Джон, это было ошибкой. Я не стану верить какому-то призраку.

– Зря, святой отец. После того, как ты изнасиловал мою жену и убил меня, стоило бы поверить мёртвому старому другу.

Призрак ужасающе засмеялся и исчез.

Отец Августин перекрестился и принялся с новыми силами бежать вниз по холму. Да, его жизнь была полна приключений. За свои двадцать пять лет он много раз нарушал заповеди господни, но видимо бог прощал и любил его за добрые деяния и молитвы. С этими мыслями мужчина споткнулся, ударился головой о камень и кубарем покатился вниз. В по-

следние секунды жизни перед его взором всплывали лица призраков прошлого.

Утром бездыханное тело отца Августина нашли у подножия холма. Говорили, что когда его хоронили, был густой туман и кладбищенскую тишину нарушал лишь дьявольский хохот.

ПРОКЛЯТЬЕ ЗАБВЕНИЯ

Солнечный свет наполнил комнату. Страна восхода солнца открывала двери новому дню. Хакару подошла к окну, выпустила свежий весенний воздух господствовать в её покоях, и аккуратно собрала смятые листы бумаги, разбросанные по комнате. Распрямляя листы, сложила их в единую стопку, присела на краешек кровати и принялась читать вслух.

* * *

«Стройный юноша, имя которому было Тамару, уверенно сделал шаг по дороге к неизвестному лесу. Держа руку на танбо², он готов был дать отпор любому, кто посмеет приблизиться к нему. Сила и выносливость тела, стойкость и непоколебимость разума, честность и верность души были в его походке, взгляде, биении сердца.

После смерти сестры юный самурай искал справедливо-

² Танбо – кинжал самурая.

сти, он знал, что вскоре найдёт убийцу и тот непременно понесёт наказание за совершённое преступление. Дыхание юноши нарушало тишину волшебного леса. Тамару ступал мягко, словно парил над землёй, ловко обходя лесные чащи. Спустя несколько часов он услышал журчание воды и тихий шёпот девушки. Прислушался, но слов было не разобрать. Тамару подошёл ближе и его взору открылась странная картина. Лесная поляна, залитая солнцем, небольшой водопад с озером, мягкая зелёная трава, нагая девушка и странное существо, похожее на дракона, только намного меньше. Тамару несколько раз помотал головой, не веря в истинность картинки, но увиденное наоборот стало более чётким. Девушка невиданной красоты лежала на траве и что-то тихо шептала существу-дракону. Юноша вышел вперёд.

Увидев его, красавица ничуть не удивилась, улыбнулась, встала и пригласила подойти.

– Здравствуй, Тамару. Мы как раз говорили о тебе с Ёху, – девушка жестом указала на странное существо, и тот склонил голову в знак приветствия.

Юный самурай ничего не ответил, лишь сильнее стиснул зубы и крепче сжал рукой кинжал. Девушка засмеялась.

– Меня зовут Акира, я повелеваю этим лесом и знаю о каждом, кто ходит его тропами.

Тамару почтительно поклонился.

– Я знаю ты ищешь того, кто убил Хакару, но его никогда не было в этом лесу. И боюсь я ничем не смогу помочь тебе.

Разве что предложить отдых.

– Самурай никогда не устаёт, мне нужно найти убийцу сестры.

– Ну как знаешь, – засмеялась Акира, нырнула в воду и, вынырнув за водопадом, стала жестом приглашать юношу присоединиться к ней.

Тамару колебался некоторое время. Но красота девушки, её звонкий смех, изящное тело взбудоражили мысли юноши, возбудив желание обладать повелительницей леса.

Позабыв, что он самурай, Тамару скинул с себя одежды и нырнул в чистейшие воды лесного озера. Стоны наслаждения и непрерывные ласки заставили его забыть обо всём на свете.»

* * *

Закончив читать, Хакару надела кимоно, положила стопку исписанных листов на стол напротив окна, достала кинжал и, не медля ни секунды, воткнула его в сонную артерию.

Когда убирали тело, в дальнем углу комнаты нашли ещё один лист, написанный почерком Хакару.

«И лишь истинная смерть любящего человека способна снять проклятье забвения.

Тамару очнулся посреди лесной лужайки. Молодого юношу не покидало чувство пустоты и боли. Вернувшись в замок, он узнал о самоубийстве сестры. На следующий день

его тело нашли в лесу возле небольшого водопада с озером.»

ЖГУЧИЙ СОН

Натали третий год жила в Стамбуле. Работала врачом ветеринарной клиники, снимала небольшую, но уютную квартиру, в свободное время занималась танцами и очень любила турецкие сладости. Каждый год, во время фестиваля тюльпанов, девушка обязательно старалась попасть в парк Эмирган, чтобы поучаствовать в главных торжествах и насладиться красотой прекрасных цветов.

Тем солнечным апрельским днём её намерения изменило внеплановое дежурство в клинике. Натали просматривала журнал визитов, вдруг резко открылась дверь. На пороге стоял темноволосый мужчина, его лицо выражало тревогу и беспокойство. Сердце девушки стало биться чаще, она не сразу заметила, что мужчина держал на руках красивого белого кота с окровавленными лапами. Он протянул ей руки, она бережно забрала животное и случайно дотронулась до кольца на правой руке мужчины. Её буквально обожгло током, и только тяжело дышащий хвостатый красавец не позволил сразу одёрнуть руку.

Мурат молча сидел и смотрел на закрытую дверь операционной. Только сейчас он почувствовал как сильно кольцо жгло руку, и удивлённо оглянулся по сторонам. Черты этой девушки, ветеринара, были знакомы. Где же он видел её

раньше? В памяти начали всплывать обрывки сна. Он снился ему всего лишь раз, за два дня до смерти матери. Странное место, похожее на больничную палату, и великолепной красоты жар-птица, озаряющая всё вокруг своим свечением. Он пробовал дотронуться до неё, но это прикосновение обожгло руку и птица превратилась в девушку. Ту самую, которая в операционной спасала его любимого кота. Он вспомнил её глаза, жаркие пухлые губы, упругую грудь и тонкую талию. Её поцелуй заставил его стонать от желания, тело покрылось влажной испариной, но в тот момент, когда он готов был слиться с ней в блаженном экстазе, она вновь превратилась в жар-птицу и исчезла. В тот день умерла его любимая собака, а через два дня смерть забрала маму. Теперь он понимал, собака с мамой оберегали его. И кольцо. Перед смертью матушка наказала никогда не снимать его, оно предупредит об опасности. Мурат смотрел в одну точку и никак не мог поверить, что всё это происходит с ним. Именно во время фестиваля тюльпанов, который он так любил. Тюльпаны выращивала мать. У неё росло много сортов, цветение которых в апреле создавало волшебные разноцветные узоры на земле.

Мысли Мурата прервала Натали. Она вышла из операционной, опустив глаза и немного закусив нижнюю губу. В ту же секунду он всё понял. Вот она, его жар-птица. Темноволосая незнакомка, сияющая внутренним светом в ветеринарной клинике, где умирают и возрождаются. Что теперь?

Смерть или страсть? Сбудется ли сон или гибель любимого кота всего лишь совпадение? Все это было неважно в ту минуту. Потому что он нашёл её. Мурат встал, взял за руку Натальи, потянул к себе и они соединились в страстном поцелуе. В парке Эмирган распустились ещё два тюльпана.

Анна Смирнова

(@schitay_mgnoveniya)

СУЩНОСТЬ

– Давай быстрее! Я уйду! – крикнул напарник из темноты.

Один сейф всё никак не поддавался. Том и сам не понимал, что его заставляет снова и снова пытаться вскрыть замок. Ещё поворот отмычки, и дверца скрипнула. На Тома смотрели, словно софиты, два больших глаза. Он зажмурился. В ту же секунду послышался топот ног полицейских. Том схватил существо, засунул в отворот куртки, подтянулся и исчез в темноте проёма на потолке.

* * *

Первый луч солнца коснулся щеки Тома и заставил его открыть глаза. На подушке сидело и пристально на него смотрело спасённое им существо.

– Откуда ты, и что мне с тобой делать? – спросил Том.

В ответ ему послышалось нежное урчание. Том посмотрел на часы и вскочил с кровати.

– Мне пора! Сиди дома и не высовывайся.

На стройке кипела работа. Возводить небоскрёб – непростая и опасная затея, но Том не боялся высоты. Ему поручали самые сложные задачи, а платили за это гроши. Он мечтал разбогатеть, именно поэтому согласился грабить по ночам банки. Всё чаще он думал, что это дорога в никуда. Грустная история – лучшие годы провести за решёткой.

– Что ты так долго вчера возился? – услышал он знакомый голос.

Не поворачивая головы, Том отчеканил:

– Ты меня кинул.

– Я тебя звал! – напарник от негодования взмахнул руками и потерял баланс. Они находились на 80—метровой высоте от земли. Том удержал напарника.

– Сайенс знает о случившемся. Он тобой не доволен.

– Да пошёл к черту твой Сайенс! И ты иди туда же, вонючая шавка! Я ухожу!

– Это он тоже предвидел, – сказал тихо Лукас. – А потому – прощай! – и он толкнул Тома с балки.

Том успел рукой зацепиться за край железки.

– Ты всегда был успешнее меня во всём, Том, – сказал Лукас.

Он наступил жёсткой подошвой ботинка на пальцы Тома, тот взвыл от боли и не в силах больше удерживаться, сорвался в пустоту. Перед его глазами голубело пространство необъятного чистого неба. Внезапно сильный толчок взметнул тело Тома вверх и в сторону, а затем он мягко призем-

лился на крышу дома. Находясь в оцепенении, Том осторожно повернул голову и тут же воскликнул:

– Это ты? Ты умеешь летать?

* * *

Дома Том первым делом начал собирать вещи: в Лос—Анджелесе оставаться больше было нельзя. Через приоткрытую дверь ванной он вдруг увидел нагое женское тело. Изгибы его были так изящны и привлекательны, что Том замер. Он тряхнул головой в надежде, что видение исчезнет. Однако дева повернулась к нему лицом и протянула руки. Он переступил порог ванной и прошептал:

– Кто ты?

– Не надо слов, – тихо отозвалась дева и поцеловала его.

У него закружилась голова, он слышал своё частое дыхание, ощущал шёлковую кожу девушки. Её поцелуи были сладкими и томными. Он перестал сопротивляться и отдался желанию.

Спустя некоторое время Том лежал на кровати и смотрел в потолок. Дева стояла у окна.

– Кто ты? – повторил он свой вопрос.

– Я посланник с планеты Коттор.

– Кто?! – вскрикнул Том.

– Я прилетела по важному заданию.

– Какому?

– Не могу сказать. Но ты спас меня.

– Это твоя благодарность?

– Но и я спасла тебя, не забывай.

– Выходит, мы квиты!

– Мне нужна ещё твоя помощь.

– Так это был аванс, – ухмыльнулся Том.

– Спаси моего ребёнка.

Том подскочил с постели:

– У тебя ещё и ребёнок есть? А он какой, пушистый или пока лысый?

– Моя копия. Только мальчик.

– Зачем ты взяла его с собой на своё это «задание»? – передразнил её Том.

– У нас так принято: дети при маме. Сейчас он сидит в том же банке, под замком. Том стал нервно одеваться, штанина не поддавалась, нога запуталась, и он упал. Незнакомка улыбнулась.

– Милый Том, – ласково проурчала она. – Ты злишься? Тебе было плохо? Мне кажется... я тебя полюбила. – Вдруг она грустно улыбнулась: – Мы сегодня пролетали хрустальную лестницу—водопад «Кристалл—Холл». Как же он красив! У нас там такое на каждом шагу, в естественной среде... Полетели со мной?

Том вытаращил на неё глаза.

– Я не знал, что белый комок и ты – одно и то же.

– Но ты не особенно сопротивлялся, Томми...

– Ты была настойчива, к тому же ты очень хороша. Вот чёрт! – выругнулся он. – Тебя не отличить от человека!

– Да мы такие же, как вы, просто... больше умеем...

– Вот и спасай тогда детёныша сама.

– Без тебя я не справлюсь, Том.

– Два вечера подряд идти в один и тот же банк – верная гибель.

– Томми... Посмотри на меня. Неужели ты меня забыл? Том взглянул в глаза незнакомке, ток прошёлся по его телу. На него смотрели родные, до боли знакомые глаза.

– Лулу? – прошептал он осипшим голосом.

– Твоя Лулу. Он смотрел на девушку, узнавая и не признавая в ней свою жену, которая без вести пропала три года назад.

– Меня забрали, теперь там мой дом, на другой планете. В плену сейчас наш ребёнок, Том. Это твой сын.

* * *

На этот раз охрана в банке была усилена. Но Том знал иной ход, поэтому быстро достиг нужного места. Он всё время думал о сыне. От волнения пару раз он выронил из рук отмычку. Этот звон услышал охранник. В голове Тома шумело, он ничего не замечал.

Открыв дверцу сейфа, он увидел маленького мальчика, с глазами Лулу. Сердце Тома стучало где—то в горле, заглу-

шая звуки извне. Мальчик улыбнулся и в тот же миг превратился в белый пушистый комок. Том успел заметить на левой щеке мальчика ямочку. Точно такую же, какая была у него самого.

– Иди к маме, – сказал Том.

Малыш побежал в сторону Лулу, но в этот момент появился охранник и выстрелил в белое пятно.

– Нет! – вскрикнул Том и преградил собою пуле путь. Она попала ему в самое сердце.

Ещё секунду он дышал. И этой секунды ему хватило, чтобы увидеть, как две летящие фигуры удаляются, превращаясь в маленькие белые точки. Они приближались к диску огромной жёлтой Луны.

МОЁ ЗОЛОТО

Солнце уже было высоко, когда Бернарду поднялся с постели. Шёл седьмой день, как он трудился на карьере Серра Пелада в надежде прекратить нищенское существование.

– Кико, отстань! – услышал он голос спящего брата.

Прошёл уже месяц, как живодёры убили пса Фелипе, но тот никак не мог смириться с потерей. Кико ему мерещился повсюду. Фелипе открыл глаза и сел.

– Что, брат, снова Кико снился?

– Да, – тихо ответил Фелипе и провёл рукой так, будто гладил сейчас пса.

– Мне кажется, ты сходишь с ума, – вздохнул Бернарду. – Тебе надо отвлечься, пойдём со мной!

– Ну уж нет! Спасибо! Лучше плантация! Лёгкие деньги ещё никого не делали счастливым!

– Не такие уж они и лёгкие! – возразил брат. – Там царит настоящий ад. Все едут сюда, чтобы озолотиться, а ты мечтаешь отсюда уехать...

– Не ходил бы туда, – грустно заметил Фелипе.

– Отдать моё золото кому—то? Ты смеёшься?

– Ну а я пойду прогуляюсь с Кико.

– Кико нет! – Бернарду негодовал так, что сорвался на крик.

– Это для тебя нет! А со мной он всегда рядом! Я вижу его! – сказал с надрывом Фелипе и свистнул.

Фелипе шёл привычной тропой среди пальм и шоколадных деревьев, как вдруг услышал женский голос. Он прошёл вперёд ещё шагов пять и увидел прелестную девушку, которая стояла перед пальмой, подняв голову вверх.

– Кика! Кика! – звала она нежно.

Тут девушка обернулась и сердито крикнула:

– Уберите собаку!

Фелипе растерянно посмотрел вокруг себя, но никого рядом с собой не увидел.

– Но, сеньорита...

– Ну вот! – перебила она его. – Моя кошка испугалась вашего пса и забралась ещё выше, что я теперь её даже не вижу.

– Вот же она, – Фелипе подошёл к дереву и взял кошку в руки, стал её гладить.

– Что вы сейчас сделали? Вы издеваетесь? У вас пустые руки!

Вдруг она наклонилась и стала водить рукой по воздуху:

– Хороший пёс! Умница! Ласковый! Но как же мне теперь достать Кику?

– Сеньорита, позвольте спросить, а вы что сейчас делаете?

– Глажу вашу собаку, – невозмутимо ответила девушка.

– Неужели? Но под вашими руками пусто!

Фелипе уже начал кое—что понимать. Повисла пауза.

– Мистика! – медленно произнёс он. – Мне мерещился мой умерший пёс, все считают меня уже сумасшедшим. А теперь его видите вы.

– Как? Ваша собака тоже умерла?

– Её убили живодёры.

– И мою кошку убили живодёры.

– Может, отпустим их? – вдруг спросил Фелипе. – Кажется, своё дело они уже сделали... Давайте знакомиться.

– Сейчас беспокойные времена. Знакомства опасны.

Фелипе с интересом посмотрел на девушку. Изумительные синие глаза и знойные чёрные кудряшки—пружинки заставляли его сердце биться чаще. Они прогуляли полдня, забыв обо всём. Возвращение на плантацию для Фелипе было теперь через наказание. Фермер жестоко расправлялся с нарушителями порядка, несмотря на то что Фелипе являл-

ся наёмным рабочим. Такие времена. Сильные безнаказанно устанавливают свои правила.

Ребека успела рассказать о своём отце, который три дня назад сорвался с лестницы в карьере и умер там в давке. Рассказала, как ей грозила опасность, ведь теперь её никто не защищал. Как вчера ею пытались воспользоваться два пьяных, но прилично одетых сеньора. Никто не вступился тогда за неё и, казалось, можно было уже попрощаться с честью и жизнью, но ей удалось сбежать.

– Ненавижу эту жизнь! Ненавижу это место! Кругом обман! Одни бандиты и убийцы! И зачем, зачем папа поехал сюда! – в отчаянии она заламывала руки и кусала губу.

Вдруг Фелипе всё понял. Он осознал, что его спасение в ней. Вместе можно ведь свернуть горы!

– Смею предложить дерзкий план, Ребека! Давайте убежим вместе!

– А вы не будете потом жалеть, что золото было так близко, а вы не попытали счастья?

– Нет! —смело воскликнул юноша. Его глаза сияли. – Своё золото я уже нашёл!

НОЧНЫЕ СВИДАНИЯ

Кто с ней был! Я хочу это знать!

Но расследованье мне вести сложно:

Я любовник, не муж и не зять,

И от этого очень мне тошно.

* * *

Мы гуляли в садах между груш,
Целовал жадно тонкие руки,
Пока спал крепким сном её муж,
Издавали мы страстные звуки.

То не женщина, то дьяволица,
Её возраст – совсем не преграда,
Я пытался всё ею напиться,
Быть в объятиях – это награда!

Она нежно меня называла «гарсон»,
Я смущался и искренне злился,
Я стоял перед нею совсем без кальсон,
Взгляд у дамы же очень резвился.
Я считал, что она моё сердце украла,
Я мечтал с ней сбежать, я её всю хотел,
Но любовь вдруг так резко пронзило кинжалом,
Под слияньем ночным наших стонущих тел.

Мне сказала она: «Нашим встречам конец,
Надоели ночные свиданья».
Я рыдал, я пылал, предлагал, как птенец,
Заменить форму встреч и гулянья.

Но она непреклонна была и строга,
Мол, вдруг мужа вновь сильно влюбила.

Я не верил: обида меня всего жгла,
Значит, вовсе меня не любила?

Но закон есть закон: её муж ей не я,
И насильно ведь мил ты не будешь.
Я ушёл, разъярённо в ночи прокричав:
«Ты меня просто так не забудешь!»

Я не спал пять ночей, ходил, грустью съедаем,
Не хотел я харчей, по проспекту гуляя.
Петербург был так сер, и могуч, атмосферен...
Не заметил я сам, как пришёл в тот наш скверик.
* * *

Шёпот, стон, шелест, смех.
Шум в ушах: я наивен,
Она новый успех
Свой использует ныне?!

Новый мальчик – гарсон
Ублажает мадам?
Пока спит сладким сном
Её муж, как баран.

Да, конечно, смешно и не очень:
Я ведь сам оказался с рогами,
Я поверить не мог, между прочим,
В то, что связь прервалась между нами.

Я хотел так узнать, кто же с нею там был,
Но теперь мне всё стало понятно.
Я в агонии был, я её так любил!
А был с ней её муж, вероятно.

Я сначала так тихо, но строго спросил:
«Что у вас тут двоих происходит?»
Её нового друга вдруг след и простыл,
А она ко мне смело подходит.

Подол платья собрав, натянув и корсет,
Гордо свой неся подбородок,
Она смело дала мне свой чёткий ответ:
«Неужели вы здесь мимоходом?»

Это наша усадьба, мы здесь живём,
А как вы сюда, барин, попали?»
Я стоял не дыша, и, сгорая огнём
Мои щёки сильно пылали.

За кустом вдруг послышался шорох,
И увидел фигуру я мужа,
Он ко мне подошёл: «Мсье Доров?
Неожиданно видеть вас тут же»

Я поник, растерялся, был бледен,
Мне хотелось избить его в кровь,
Но пора признаваться в победе,
Её муж победил: у них снова любовь!

* * *

Мне учить тебя жизни напрасно,
Ведь у каждого свой длинный путь.
Если вдруг ты решил стать любовником—асом,
То придётся влюбляться, а следом – тонуть!

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

– Я искренне не понимаю, как можно бросить нашу пасеку и уехать к какому—то Айташу, Жужу! – бабушка—пчела взмахнула лапками, нечаянно задев свои очки на носу и уронив их на пол.

– Это любовь, бабуля, – ответила Жужа, на ходу поднимая очки и одновременно застёгивая чемодан. – И он не какой—то, а мой жених.

– Это ты так себе придумала, – грустно отметила бабушка.

– В любом случае, я еду на Фестиваль тюльпанов. Привезу тебе суперского мёду.

– Мне ничего не надо, кроме моего родного, липового, – старушка, всплакнув, махнула рукой и перекрестила внучку на прощание.

* * *

В 7 утра Жужа приземлилась в Стамбуле. Город встретил

пчёлку улыбчивым солнцем. Ещё её должен был встретить Айташ, но вместо него в аэропорту её ждал его друг Тюн. От Тюна Жужа узнала, что Айташ женат, и у них с женой вот — вот должны родиться дети. Также от Тюна Жужа узнала, что она «вэй, какой красивый девушк». Добрый Тюн предложил показать город. Жужа обещала подумать, но для начала попросила отвезти её на выставку для оформления.

Целый месяц ей предстояло работать на Фестивале тюльпанов. Цветочный фестиваль – событие мирового масштаба, от одной мысли только, что она будет участницей всего этого красочного великолепия, дрожали ее тоненькие мохнатые ножки.

Местная пасека мало отличалась от родной: здесь так же царила атмосфера бесперебойного труда. Только что больше жужжания было, так как молодые горячие турецкие трутни не могли оторвать своих масляных глаз от приезжих красавиц—самок. Матка видела напряжённость обстановки, но ничего поделать не могла. Весна есть весна. Буйство красок и чувств не чужды ничему живому. Рабочий день закончится, она и вовсе не сможет контролировать обстановку. А посему королевишна подписала Жуже бумаги, после махнула лапкой и ушла в глубину улья к своим яйцам.

Жужа в сопровождении Тюна полетела смотреть тюльпановые угодья. Каких узоров и красок здесь только не было! Это был настоящий ароматно—разноцветный рай! Тюн предложил вечером показать Босфорский мост. Подвесной,

в свете огней, мост завораживал своим магическим видом. Было довольно ветрено, и Тюн по—мужски старался оберегать от холода свою спутницу и даже как бы случайно поцеловал её в щёчку. Жужа вздрогнула, но ничего не сказала. Не сказала она и тогда, когда он предложил ей посетить хамам. Ведь быть в Турции и не побывать в хамаме – преступление. И почему—то именно в бане Жуже стало очень грустно, она постоянно думала об Айташе, который даже к вечеру не вышел на связь. Жуже сделали массаж, пилинг и маску, обновлённая и немного повеселевшая, она, оказавшись в своём номере гостиницы, уснула сладким сном.

Утром она решила перед работой заехать на Гранд Базар. Толпа народа, шум и гам, обилие товаров, ещё немного любопытства, и она опоздает в свой первый рабочий день. И тут Жужа почувствовала аромат рахат—лукума. Ни на что не обращая внимания, она, будто магнит, приблизилась в лакомству. В эту секунду услышала:

– Чок гузель (очень вкусно)! Красавица, мэмнум олдум (приятно познакомиться)!

Жужа обернулась и увидела... Айташа. Он замолк и опустил глаза. Только крылышки его нервно трепыхались. Жужа же, наоборот, разозлилась. Её милые озорные глазки сузились, а пушистые лапки сжались в мягкие кулачки.

– Как ты мог! Айташ не поднимал глаз. —Ты же сам меня позвал!

– Так получилось, прости, – он вздёрнул нос и выпрямил-

ся, но крылышки предательски дрожали. – Тюн – мой добрый приятель, я знал, что всё будет хорошо!

– Твой добрый приятель приставал ко мне! – она набросилась на него с кулачками.

Но Айташ ловко обнял пчёлку и не давал ей пошевелиться. От того, что он был так близко к ней, у неё закружилась голова и Жужа поцеловала его. Сквозь шум в ушах она вдруг услышала грозное шипение. Когда Жужа открыла глаза, то увидела, как к ним приближается толстая злая пчела. Она грозно размахивала кусочком рахат—лукума.

– Пригнись! – только и успел крикнуть Айташ. – Сегвили! Херсей янлис анламмиссин! (Дорогая! Ты всё не так поняла), – принялся он лепетать жене.

Та колотила его по спине и голове, а он лишь закрывал голову лапками.

– Пожалуй, я пойду, ну вас на фиг, – с круглыми от ужаса глазами сказала Жужа и полетела прочь.

* * *

Прошёл месяц пребывания в Стамбуле. Завтра уже домой. Подарки закуплены, чемодан собран. Можно выдохнуть. И тут снова на горизонте появился Айташ. Залихватский шаг, восторженный взгляд и, конечно, жаркие речи. Жужа отмахивалась от него, как могла. Но он клялся и божился, что уедет с ней.

– Да не надо мне, – говорила она.

– Мне надо! Я хочу, – говорил он.

– А я не хочу, – стояла на своём Жужа, готовая расплакаться.

Вдруг рядом оказался и Тюн.

– Что пристал к ней? Она моя! – он выпячивал грудь вперёд и сердито жужжал.

– Э, ребята! Я вообще тут ни при чём, – робко пискнула Жужа, отлетев в сторону.

– А мы тебя не спрашиваем! Разберёмся сами! – хором крикнули самцы, и в этот момент раздался хруст.

Чей—то тяжёлый ботинок наступил на трутней. Спор окончен. Лети—ка ты, Жуженька, домой, пока жива—здорова. В гостях хорошо, а дома лучше.

ИЛИ ПОБЕДИТЬ, ИЛИ УМЕРЕТЬ

«Смотрю вдаль неба сквозь решётку. Воздушные облака манят меня. Кажется, если перебраться через них, то там уж точно начнётся новая жизнь. Но я только могу смотреть в маленький квадратик, обрамлённый кованым железом. Ненавистный скрип! Это значит, принесли поесть. Я не хочу есть, зачем?»

Бородатый стражник осторожно поставил тарелку с кашей на деревянную табуретку возле кровати и задержал свой взгляд на Елизавете. Она стояла возле окна спиной к двери.

Её силуэт в свете лучей был хрупок и тонок, но прям и горд. Прекрасна! Величественна! Непрístupна!

«Сестра заточила меня в Тауэре. Родная кровь ничего не значит, когда дело касается власти и денег. Почему нельзя жить мирно? Вероятно, я смогла бы править Англией без кровопролития. Хоть отец и не признавал меня, но образование дал достойное. Будь, что будет. Жизнь расставит всё на свои места»

Спустя четыре года Елизавета на балу в Лондоне знакомится с человеком, повлиявшим на её судьбу.

«Не свожу с него взгляда.

– Кто вы? – спрашиваю его.

Сквозь маску на меня пронзительно смотрят лукавые карие глаза. Я не могу оторваться.

– Ваш Ангел Хранитель, – он отвечает спокойно, но я чувствую его улыбку. Начинается гальярда.

– Неплохо двигается этот граф, – думаю я, немного запыхавшись. Я обожаю гальярду, никто не может соревноваться со мной. Но не Роберт Дадли, это я уже поняла»

Елизавета вернулась в свои покои. Снять с себя увесистый наряд – наслаждение. Ванна, наполненная лепестками роз, ждёт её. Она погрузилась в воду и закрыла глаза.

«Я захлёбываюсь! Спасите! Помогите! Наконец, хватаю ртом воздух. Дышу. Меня поднимают на корабль.

– Как Вы оказались в воде? – спрашивает с упрёком меня Роберт.

Я снова тону в его глазах. Мой Ангел Хранитель.

– Я говорил, что женщина на корабле – горе судну.

– Какое же горе, если в воду свалилась сама женщина?

– Вы моё горе и Вы моё счастье, Ваше Величество. Но, кажется, у нас проблемы. По правому борту пираты.

Смотрю на Роберта, прищурившись. Неужели, он действительно думает, что я этого не предусмотрела? Мои пираты в моём море – да разве это проблема? Я давно договорила с ними о захватах лишь испанских кораблей. Я представила, как будет сейчас удивлён Дадли, и рассмеялась.

– Пойдёмте, граф, я Вам кое-что расскажу, – я беру его под руку и веду в каюту. Мимоходом вижу, как на мачте сидит пеликан и вырывает из себя кровавые куски собственной плоти. Я останавливаюсь. Вся покрытая мурашками, ощущаю внутри тупую боль.

– Что с Вами? – голос Дадли звучит глухо. Смотрю мутным взглядом на мачту ещё раз – никого. Небо голубое и ясное, простор и тишина, море спокойное.

– Показалось, – отвечаю вполголоса и спускаюсь вниз.»

Дела улажены. Можно возвращаться домой, но ночью начинается шторм. Судно бросает на волнах из стороны в сторону, матросы бегают по палубе, тщетно вычёрпывая воду. Бессмысленная затея, если деревяшке суждено превратиться в щепки.

«В горле сухо.

– Пить, – шепчу я.

Открываю слипшившиеся веки. Остров. Солнце. Рядом чайка клюёт что—то. Вдруг меня окружают незнакомые люди, стучат в барабаны, уводят в деревню.

– Начинаем церемонию выбора! – крикнул мужчина с разукрашенным лицом.

Я осторожно поворачиваю голову и вижу, как ко мне подходят трое. Один из них начинает странный танец с прихлопыванием в ладоши и подпрыгиваниями, хохолок из перьев на его голове забавно качается. Я смеюсь. Его уводят. Второй кружится подле меня и то и дело выкрикивает «У!». Я качаю головой, его тоже уводят.

Вдруг в толпе, среди зрителей, я вижу Дадли. Моё сердце бьётся где—то под коленкой, а воздуха так мало, что задыхаюсь. Бегу к нему. Хватаю его руками за плечи, но моя рука просачивается сквозь него. Я делаю ещё попытку и ещё, и ещё, и вдруг слышу грозный окрик. Оборачиваюсь: ко мне бежит третий мужчина из тех женихов и тянет меня за руку. Я сопротивляюсь, он тянет ещё сильнее, срывает с моей руки перчатку и убегает. Смотрю снова на Дадли: он лежит на земле, хватаясь за горло. Я падаю рядом на колени.

– Помогите, – шепчу я, глядя в его глаза.

Не дышит, смотрит на меня неподвижно, как будто сквозь, потому что теперь его взгляд устремлён в вечность.

– Не-е-ет! – из моей груди вырывается дикий крик.»

– Не-е-ет! – кричит маленькая Елизавета в агонии.

Служанка Лаура подбегает к ней. Доктор рядом.

– Жар, – говорит он, доставая из своего чемоданчика тёмный пузырёк.

– Елизавета, милая, – шепчет Лаура, глядя золотистые локоны больной.

– Нос sompnus! Vincere aut mori!³ – еле слышен тоненький голосок девочки.

– Что она говорит? – взволнованно спрашивает служанка.

Доктор с интересом смотрит на Елизавету.

– Всего лишь сон! – говорит он. – Вы поправитесь. Впереди Вас ждёт большое будущее.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Зал рукоплескал. В кресло сел человек в маске. Он был довольно тучен. Его ноги были подозрительно короткие, но управлялся он ими ловко.

– Шоу «Из тайного в явное» продолжается! Приветствуем нового участника! Вы велели себя величать Токугава? Вопрос на 10.000! Начнём! С чем ассоциируется у вас Япония? Прямо по буквам!

³ Этот сон! Или победить, или умереть! (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.